

НАЦИОНАЛИЗМЪ ВЪ ТАКТИКЪ.

Вопросъ о націонализмѣ въ тактикѣ былъ уже затронутъ во время полемики о доктринѣ и уставѣ, чтобы указать на неудобство пользованія переводными уставами, какъ предлагалъ одинъ изъ профессоровъ военной академіи, а также отмѣтить всю важность выработки такихъ уставныхъ положеній, которыя именно отвѣчали бы національнымъ особенностямъ арміи.

Но, разумѣется, вопросъ заслуживаетъ самъ по себѣ болѣе глубокаго и самостоятельнаго разсмотрѣнія.

Вопросъ о націонализмѣ въ тактикѣ далеко не новый. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что созданіе необходимости національной тактики пользуется нынѣ самымъ широкимъ распространеніемъ и, во многихъ случаяхъ, самымъ горячимъ сочувствіемъ. Но, если спросить, въ чемъ же этотъ націонализмъ долженъ заключаться, то едва ли можно рассчитывать на полученіе опредѣленнаго отвѣта.

Въ сущности говоря, этотъ націонализмъ до послѣдняго времени ярче всего выражался въ довольно послѣдовательномъ проведеніи знаменитаго Суворовскаго изреченія: «пуля дура, штыкъ — молодецъ», замѣтная приверженность къ которому прославилась насъ далеко за предѣлами Россіи... не всегда къ нашей выгодѣ.

Но неужели же однимъ этимъ изреченіемъ, произнесеннымъ въ очень отдаленную эпоху, когда пуля вполнѣ заслуживала того нежелательнаго эпитета, которымъ ее наградила Суворовъ, — неужели только однимъ невниманіемъ къ стрѣлковой тактикѣ исчерпываются наши національныя особенности?

Даже теперь, когда націонализмъ вообще пользуется особымъ, можно сказать, исключительнымъ вниманіемъ, страницы нашей военной періодической печати посвящаютъ ему очень мало мѣста.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы наша военная наука вовсе не откликнулась на этотъ призывъ къ національному самоопредѣленію. Но этотъ откликъ какъ бы затерялся гдѣ-то въ сѣдой старинѣ. Одно время онъ привлекъ наше вниманіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, а въ болѣе позднее время напомнилъ о достославной Куликовской битвѣ и о геройской защитѣ Троицко-Сергіевской лавры. Но, при всемъ неотъемлемомъ значеніи этихъ событій, для развитія и поддержанія патріотическаго духа въ арміи, трудно было бы искать въ нихъ же національнаго самоопредѣленія въ области тактики. Слишкомъ измѣнились съ того времени не только военнотехническія, но и бытовыя условія, чтобы дѣлать изъ столь отдаленной эпохи какіе-либо практическіе выводы для современнаго положенія вещей.

А между тѣмъ, хороша только та тактика, которая національна, и не хорошо дѣлаютъ тѣ, которые упускаютъ изъ виду, что эта простая истина составляетъ основное положеніе для правильной подготовки арміи въ мирное время и для полнаго и широкаго примѣненія ея силъ въ часъ боевого испытанія.

Гдѣ же искать нашихъ національныхъ особенностей въ тактикѣ? Въ чемъ и какъ они могутъ выразиться?

Сѣдая старина можетъ подтвердить только все величіе и значеніе грознаго выступленія національныхъ началъ, нерѣдко сопровождавшихся жестокими уроками для тѣхъ, которые ихъ не предвидѣли. Таковы были выступленія знаменитаго Жижки... съ обозами, наше Ледовое побоище... Въ сущности, если вдуматься въ исторію великихъ войнъ, то въ каждой изъ нихъ мы найдемъ яркое выраженіе національнаго начала.

Въ 1812 году побѣдилъ неспорченный, послушный и своеобразно, но прочно организованный народъ. Въ 1870 году — нѣмецкій учитель. А въ послѣднюю войну съ японцами мы сами на себѣ испытали силу національныхъ приемовъ, которымъ во многихъ случаяхъ не умѣли ничего противопоставить, кромѣ мужества войскъ,

поддержаннаго лишь слабо усвоенными началами организаціи и столько же поверхностно усвоенными боевыми приёмами «западно-европейскихъ армій».

Между тѣмъ должны же въ насъ жить національныя особенности? Съ одними нужно бороться, другія развивать. Хуже же всего не придавать имъ должнаго значенія.

Намъ могутъ возразить, что въ тактикѣ трудно проявить національныя приемы, ибо всѣхъ нивелируетъ современная военная техника: техника передвиженія (желѣзныя дороги, автомобили), техника наблюденія (бинокли, фотографія, аэростаты и аэропланы), техника снабженія (походныя кухни, консервы) и, наконецъ, смертоносная техника пораженія.

Да, конечно, было бы болѣе чѣмъ странно искать примѣненія національныхъ началъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи къ современной военной тактикѣ.

Но почему не попробовать поискать національныхъ приёмовъ какъ разъ въ противоположномъ направленіи? Т. е. не въ томъ, чтобы до извѣстной степени обойти современную технику, но въ томъ, чтобы *найти наилучшіе для насъ, т. е. національныя способы къ ней примѣниться?*

Кромѣ того, нельзя же утверждать, что вся современная тактика выражается исключительно въ примѣненіи однихъ только техническихъ началъ. Такое грозное явленіе, какъ «бой», нельзя разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ фабричнаго производства.

Можно располагать самыми совершенными техническими средствами и не умѣть ими воспользоваться. Можно располагать не тѣми средствами, которыя нужны при данной обстановкѣ, и тогда они могутъ оказаться скорѣе балластомъ, нежели средствомъ для побѣды надъ противникомъ.

А главное, никакія техническія средства не могутъ совершенно передѣлать основныхъ данныхъ, отъ которыхъ зависитъ побѣда, а именно: *обстановки*, времени, мѣста и другихъ *внѣшнихъ* условій, а также *сильныхъ и слабыхъ сторонъ нашей арміи*, которыя зависятъ отъ очень многихъ политическихъ, психологическихъ и бытовыхъ условій и опредѣляютъ собой національныя особенности арміи.

Итакъ, национализмъ въ тактикѣ образуетъ совершенно законное и при томъ неизбежное явленіе, не взирая на всѣ техническія усовершенствованія.

Остается лишь разобраться въ вопросѣ, въ чемъ именно этотъ націонализмъ можетъ выразаться для нашей арміи. Къ разсмотрѣнію этого вопроса и обратимся.

Само собой разумѣется, что націонализмъ въ тактикѣ самымъ неразрывнымъ образомъ связанъ съ національными особенностями народа и арміи, съ которыхъ и надо начать изученіе вопроса.

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ нашихъ курсахъ и изслѣдованіяхъ по географіи и статистикѣ можно найти очень много именъ, названій и цифръ, но очень немного такихъ свѣдѣній, которыя способствовали бы нашему національному самоопредѣленію.

Не гоняясь за точными научными опредѣленіями, можно сказать, что національныя особенности каждаго народа въ общихъ чертахъ образуютъ, во-первыхъ, его расовыя, такъ сказать, прирожденныя особенности и, во-вторыхъ, тѣ качества, которыя онъ пріобрѣтаетъ подъ вліяніемъ географическихъ, климатическихъ ¹⁾, политическихъ, бытовыхъ и другихъ условій.

Для лучшей иллюстраціи нашей мысли подведемъ итогъ общеизвѣстнымъ свойствамъ народной массы коренного русскаго населенія. Съ одной стороны качества отрицательныя: необразованность и неразвитость, излишняя (съ военной точки зрѣнія) миролюбивость, безпечность, наклонность къ спиртнымъ напиткамъ, къ лѣни и распущенности, медленность въ работѣ, инертность въ покоѣ и въ движеніи; съ другой—качества положительныя: большая религіозность, покорность судьбѣ, преданность Царю и родинѣ, чрезвычайная выносливость и нетребовательность, способность самоотверженно слѣдовать за вождемъ, близость къ природѣ, приспособляемость къ различнымъ климатическимъ и инымъ условіямъ, практическій взглядъ на вещи, развитіе сноровокъ и пр.

Современная армія—зеркало народа, которое отражаетъ всѣ его положительныя и отрицательныя качества, а съ ними, конечно, не могутъ не считаться ни стратегія, ни тактика.

Передѣлать эти качества вдругъ столь же невозможно, какъ измѣнить климатъ страны, бытовыя условія и т. п.

¹⁾ У насъ, наиримѣръ, огромное значеніе имѣютъ восьмимѣсячная зима и бездорожье.

Вотъ почему, когда мы говоримъ о нашей, русской, арміи, то не можемъ не считаться съ большими трудностями одиночной. стрѣлковой и тактической подготовки.

Это не значить, конечно, что мы не считаемъ возможнымъ добиться удовлетворительныхъ результатовъ по этимъ отдѣламъ военнаго образованія, но для достиженія ихъ нужно потратить очень много времени и усилій.

Поднимите уровень образованія въ народѣ, введите общеобязательное обученіе, и мы не будемъ говорить, что въ русской арміи труднѣе добиться военной подготовки, нежели въ нѣмецкой.

Подобнымъ же образомъ, трудныя матеріальныя условія жизни для значительной массы крестьянскаго населенія, въ связи съ врожденнымъ миролюбіемъ русскаго человѣка, его безучастность къ вопросамъ внѣшней политики и забота о родной семьѣ, которая безъ него остается мало обеспеченной, приводятъ къ тому, что намъ трудно въ такой же мѣрѣ рассчитывать на боевыя качества старшихъ возрастовъ запасныхъ, въ особенности, для внѣшнихъ, удаленныхъ отъ родины предпріятій, какъ это, быть можетъ, доступно для той же Германіи или для другого государства.

Измѣните эти условія, дайте особья, общегосударственныя преимущества за продолжительную службу въ запасѣ, обезпечьте семью, привейте милитаризмъ къ широкимъ массамъ населенія, и мы не будемъ оспаривать возможности болѣе широкаго примѣненія запасныхъ старшихъ возрастовъ. Пока же лучше предоставить «бородачамъ-сражателямъ» защиту родныхъ очаговъ, а для достиженія внѣшнихъ политическихъ задачъ направить нашу молодежь, которая легче и охотнѣе пойдетъ за вождемъ.

Съ этой точки зрѣнія въ Россіи несомнѣнно выгодно понизить возрастъ призываемыхъ на службу даже до 18 лѣтъ, чтобы имѣть больше запасныхъ въ молодомъ возрастѣ.

Говорятъ, что молодые люди въ этомъ возрастѣ не обладаютъ достаточной выносливостью и вполнѣ законченнымъ физическимъ развитіемъ.

Но если мы считаемъ офицеровъ въ 19—20 лѣтъ и юнкеровъ въ 16—18 лѣтъ достаточно развитыми въ физическомъ отношеніи, то странно сомнѣваться въ достаточной выносливости простого крестьянина или чернорабочаго, привычнаго къ труду въ томъ же возрастѣ.

Къ тому же нашъ «русскій юноша», конечно, развитѣе нѣмецкаго въ физическомъ отношеніи.

Таково воздѣйствіе отрицательныхъ особенностей нашего населенія и таковы пути, по которымъ съ ними можно бороться.

Но еще менѣе допустимо не считаться съ положительными качествами русскаго народа, которыя, напротивъ, необходимо всѣми способами выдвигать на первый планъ.

Наши стрѣлковыя цѣпи труднѣе передвигать, чѣмъ нѣмецкія и японскія, но нашу массу легче двинуть куда угодно, если зажечь въ ней настоящее чувство и показать должный примѣръ. Съ «примѣромъ» и наши цѣпи можно двигать не хуже «иностранныхъ». По своей выносливости и приспособляемости къ какимъ угодно условіямъ наши солдаты, вѣроятно, превосходятъ всѣ арміи на свѣтѣ. Близость къ природѣ и врожденная сметливость даютъ намъ, конечно, не сплошь, но въ хорошемъ процентѣ, вполне подходящій для комплектованія арміи матеріаль, который нужно умѣть надлежащимъ образомъ использовать.

Если при этомъ, для ослабленія отрицательныхъ національныхъ свойствъ нужны преимущественно извѣстныя организационныя мѣры, то для использованія положительныхъ качествъ остается область тактики.

Говоря о національныхъ свойствахъ нашей арміи, нельзя не остановиться на тѣхъ ея особенностяхъ, которыя, хотя не вытекаютъ изъ національныхъ свойствъ населенія, но всетаки создаютъ весьма характерныя и при томъ длительныя условія быта самой арміи, обращаясь какъ-бы въ ея національныя примѣты.

Къ такимъ условіямъ относится, на примѣръ, нѣкотораго рода обособленность различныхъ родовъ войскъ. Еще не такъ далеко то время, когда у насъ въ одной арміи было какъ бы нѣсколько армій: кавалерійская, артилерійская, инженерная, пѣхотная и т. д. Но и до сихъ поръ необходимая спайка еще не вполне достигнута, въ особенности для кавалеріи.

Другую особенность быта составляетъ, если можно такъ выразиться, универсальность назначенія нашей арміи, выражающаяся, на примѣръ, въ недостатокѣ особыхъ мѣстныхъ войскъ для несенія различнаго рода гарнизонной и охранной службы, въ отсутствіи специальныхъ источниковъ комплектованія для различныхъ, многочисленныхъ заведеній и управленій военнаго вѣдомства, въ отсутствіи специальныхъ рабочихъ командъ, въ ограниченности эле-

мента нестроевыхъ, необходимыхъ для исполненія разнаго рода службъ и работъ въ составѣ строевыхъ частей и т. п. Въ соединеніи еще съ одной особенностью быта нашей арміи, которая выражается въ извѣстнаго рода хроническомъ недостаткѣ или запаздываніи разнаго рода отпусковъ, указанная универсальность приводитъ къ тому, что главный родъ войскъ, т. е. пѣхота, оказывается перегруженнымъ разнаго рода командировками, нарядами, назначеніями и, наконецъ, хозяйственными работами. Всѣ эти законныя назначенія и наряды въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ настолько велики, что затрудняютъ установленіе точнаго контроля надъ тѣмъ, что же именно «должно» оставаться для строевыхъ занятій. А при такихъ условіяхъ легко создаются новые наряды и командировки, уже не всегда предусмотрѣнные закономъ и за которыми трудно услѣдить.

Наконецъ, еще одну характерную особенность быта нашей арміи составляетъ несмѣняемость ея гарнизоновъ, несмотря на то, что условія стоянки по климатическимъ и бытовымъ условіямъ весьма не одинаковы для различныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества. Въ результатъ однѣ части остаются десятки лѣтъ въ крупныхъ административныхъ, промышленныхъ и образовательныхъ центрахъ, тогда какъ другія пребываютъ также десятками лѣтъ въ различныхъ медвѣжьихъ углахъ и еврейскихъ мѣстечкахъ, что не можетъ не отражаться на условіяхъ быта арміи.

Нельзя сказать, чтобы перечисленные бытовые условія были особенно благоприятны для арміи. Но можно-ли отнести ихъ къ числу условій, зависящихъ отъ нашихъ національныхъ особенностей и потому не подлежащихъ передѣлкѣ въ короткій промежутокъ времени? При широкомъ толкованіи понятія о національныхъ особенностяхъ пожалуй да, но не столько по существу, сколько по ихъ длительному характеру. Въ дѣйствительности же въ нихъ называются, отчасти, результаты историческихъ и политическихъ явленій и событій, отчасти простые пережитки добраго стараго времени, а еще вѣрнѣе—недостатки организаціи.

Нельзя, конечно, подвергать слишкомъ быстрой ломкѣ всѣ эти неблагоприятныя для нашей арміи условія существованія и развитія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ явились, быть можетъ, результатомъ слишкомъ быстрыхъ реформъ, въ свое время не достаточно продуманныхъ.

Такъ или иначе, но эти, такъ сказать, наносныя условія надо отличать отъ глубоко-лежащихъ національныхъ основъ и съ ними

можно и должно бороться, проводя реформы, рассчитанныя хотя бы на цѣлый рядъ лѣтъ.

Не то съ національными основами, которыя нельзя передѣлать даже и въ нѣсколько лѣтъ какими-либо административными или организаціонными мѣропріятіями. Съ этими основами приходится считаться, какъ съ величинами болѣе или менѣе постоянными, и къ нимъ примѣнять какъ подробности организаціи арміи, такъ и стратегическіе и тактическіе приемы дѣйствій.

Какими же способами было бы всего лучше примѣнить національныя особенности нашего народа и нашей арміи? Какъ ослабить отрицательныя качества и какъ усилить положительныя? Вотъ вопросы, которые имѣють наибольшее практическое значеніе.

Не пытаясь дать на нихъ исчерпывающіе отвѣты, постараемся, по крайней мѣрѣ, освѣтить главнѣйшее.

Сущность того, что выше было сказано относительно національныхъ качествъ русскаго народа, которыя цѣликомъ отражаются на нашей арміи, сводится къ признанію за нашимъ солдатомъ несомнѣнныхъ качествъ прекраснаго боевого матеріала, если, конечно, правила и способы комплектованія такъ соображены, что они могутъ обезпечить за арміей наиболѣе пригодную для нея часть населенія, по крайней мѣрѣ, по возрастному составу.

Отсюда слѣдуетъ, что надо начать съ условій комплектованія. Новый уставъ о воинской повинности уже сократилъ излишнія льготы. Но армія не можетъ бороться ни съ физической, ни съ нравственной испорченностью населенія, а потому остается пожелать, чтобы она получала наименѣе испорченную его часть, т. е. наиболѣе молодые возрастные классы. На нихъ безспорно легче оказать необходимое нравственное воздѣйствіе, ихъ легче увлечь здоровыми и возвышенными требованіями военной службы. Что же касается физическихъ напряженій, не всегда, быть можетъ, соответствующихъ раннему возрасту, то лучше приспособить эти напряженія къ нѣкоторому проценту не вполнѣ окрѣвшихъ людей, чѣмъ терять всю молодежь, цѣнную, какъ сказано, въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія.

Итакъ, одно изъ требованій, вытекающихъ изъ національныхъ особенностей населенія Россіи, выражается на нашъ взглядъ въ пониженіи призывнаго возраста.

Затѣмъ, само собой понятно, что чѣмъ слабѣе по развитію ученики, тѣмъ сильнѣе должна быть школьная организація и тѣмъ лучше и многочисленнѣе учительскій персоналъ.

Обращаясь къ непосредственнымъ руководителямъ солдатъ—офицерамъ, необходимо замѣтить, что, при современныхъ требованіяхъ военной техники, вѣроятно ни въ одной изъ большихъ современныхъ армій (не исключая японской) необходимость имѣть отличный офицерскій составъ не сказывается столь настоятельно, какъ въ нашей, по трудности выпадающихъ на его долю военно-педагогическихъ задачъ. При этомъ намъ необходимъ не только выдающійся по своимъ качествамъ, но и многочисленный офицерскій составъ, безъ всякихъ некомплектовъ, ибо у насъ офицера въ настоящемъ смыслѣ этого слова нельзя замѣнить ни унтеръ-офицеромъ, ни полуобразованнымъ подпрапорщикомъ.

Образованіе, а въ особенности воспитаніе, нашихъ офицеровъ должно быть соотвѣтственно повышено. Нельзя сказать, чтобы образовательный цензъ нашихъ офицеровъ былъ недостаточенъ, но на нашемъ военномъ образованіи до сихъ поръ лежитъ печать какой то теоретичности и замѣтны недостатокъ практическихъ знаній и неумѣніе показать на дѣлѣ серьезную работу. Между тѣмъ нашъ простой народъ, по свойственной ему практической складкѣ, особенно чувствителенъ къ такому недостатку учителей. Поэтому надо сдѣлать такъ, чтобы наши офицеры, выходя изъ училищъ, не были «баричами» ни въ какомъ отношеніи, но чувствовали бы себя подготовленными къ самостоятельной жизни и къ самопомощи въ широкомъ смыслѣ слова; умѣли бы отвѣчать на всѣ вопросы, которые нужно ожидать отъ солдата; знали бы на практикѣ всѣ требованія отъ него и умѣли бы сами показать все, что слѣдуетъ. Требуется до извѣстной степени энциклопедическая подготовка. Офицеръ долженъ быть не только просто образованнымъ человѣкомъ, но долженъ обладать извѣстными знаніями по педагогикѣ, по природовѣдѣнію, по политической экономіи, по гигиенѣ и медицинѣ, по строительному дѣлу и по хозяйству. Въ то же время онъ долженъ быть и стрѣлкомъ, и фехтовальщикомъ, и гимнастомъ, и любителемъ ручного труда, а подчасъ и музыкантомъ. Трудно предвидѣть всѣ случаи разнообразной дѣятельности, которая можетъ выпасть на долю строевого офицера въ обращеніи съ темными и, въ то же время, драгоценными, какъ военный матеріалъ, сынами матушки Россіи. Но несомнѣнно нужно, чтобы образованность офицера носила практическій ха-

раκτήрь. Тогда только офицеръ можетъ послужить «примѣромъ», который всегда являлся увлекательнымъ двигателемъ для нашей арміи.

При этомъ, само собой разумѣется, офицеръ можетъ быть поддержанъ въ своей работѣ только призваніемъ, благороднымъ честолюбіемъ, любовью къ простой солдатской жизни въ спартанскихъ условіяхъ, столь свойственныхъ нашему населенію, и энергичнымъ противодѣйствіемъ распущенности и разгулу, къ сожалѣнію, столь же присущихъ русскому человѣку, какъ и простота привычекъ.

Относительно общаго характера занятій и упражненій нельзя не признать, что въ нашей арміи заслуживаетъ самого широкаго примѣненія такъ называемый наглядный методъ обученія. Сюда относится Драгомировскій «показъ», а затѣмъ и всѣ позднѣйшіе приборы, мишени, ящики съ пескомъ и т. п. Но не слѣдуетъ закрывать глазъ на то, что всѣ эти приборы и приспособленія являются все же не болѣе, какъ пособіями для передачи разнаго рода теоретическихъ свѣдѣній. Между тѣмъ вся сила дѣла не въ теоріи, а въ практикѣ при дѣйствительной обстановкѣ. При этомъ нашъ простолюдинъ, съ его здравымъ смысломъ и непосредственнымъ пониманіемъ того, что онъ видитъ и чувствуетъ, во многихъ случаяхъ молча пойметъ и сдѣлаетъ то, что нужно, прямо на дѣлѣ скорѣе и охотнѣе, чѣмъ на показныхъ и наглядныхъ пособіяхъ. Вотъ почему нигдѣ, какъ въ нашей арміи, не требуется въ такой мѣрѣ самая широкая практика на дѣлѣ, т. е. въ полѣ, подъ открытымъ небомъ и на дѣйствительныхъ разстояніяхъ. Если намъ приходится слышать и принимать другого рода указанія и наставленія, которыя доказываютъ цѣлесообразность и пользу упражненій въ казармахъ и на плацу, то не будемъ упускать изъ виду, что они до извѣстной степени навѣяны особенностями расквартированія въ большихъ городахъ, гдѣ нѣтъ по близости отъ казармъ ни учебныхъ полей, ни даже достаточно широкихъ плацовъ для занятій. Конечно, лучше хоть какъ-нибудь заниматься въ казармѣ или на тѣсномъ дворѣ, чѣмъ вовсе не заниматься или убивать время въ занятіяхъ словесностью и въ зазубриваніи «полковыхъ» отвѣтовъ. Но съ тѣснотой казарменнаго расположенія и съ недостаткомъ учебныхъ полей лучше всего бороться прямыми средствами, т. е. расположеніемъ новыхъ казармъ на окраинахъ городовъ и приобрѣтеніемъ новыхъ участковъ для занятій, не стремясь

увѣковѣчивать несвойственные нашей природѣ, какъ и природѣ военнаго дѣла, приемы обученія.

Выше было сказано объ общеизвѣстныхъ, «національныхъ» трудностяхъ одиночнаго обученія въ нашей арміи, для борьбы съ которыми, кромѣ усиленія преподавательскаго состава, необходимъ еще достаточный запасъ времени. Даже прежній четырехмѣсячный срокъ обученія молодыхъ солдатъ нельзя было считать достаточнымъ, а теперь, по новому положенію, обученіе по нѣкоторымъ отдѣламъ должно заканчиваться къ 1-му апрѣля. Положимъ, оно начинается съ 1-го декабря; но это только въ теоріи, на практикѣ же позже, а потому новое положеніе какъ бы сократило сроки обученія молодыхъ солдатъ.

Между тѣмъ кому неизвѣстно, что при затронутыхъ нами выше «національно-бытовыхъ» условіяхъ все почти обученіе нашего солдата начинается и оканчивается въ періодъ его «молодости», т. е. пока онъ остается молодымъ солдатомъ. Далѣе начинаются наряды, командировки, парады и пр., и пр.

Можно, пожалуй, согласиться, что, при очень интенсивныхъ занятіяхъ, нашего новобранца и можно обучить въ 4 мѣсяца. Но все зависитъ отъ напряженности занятій и отъ того, какіе мѣсяцы брать для обученія. Если считать: апрѣль, май, іюнь и іюль, то хорошо; если—декабрь, январь, февраль и мартъ,—то плохо. Но, вообще говоря, слѣдуетъ пока не сокращать, а увеличивать срокъ обученія молодыхъ солдатъ, продолжая его съ 1-го декабря не до 1-го апрѣля, а на весь періодъ лагерныхъ сборовъ. Это не помѣшаетъ той послѣдовательности обученія, при которой молодые солдаты, *въ случаѣ крайности*, могли бы быть поставлены въ строй даже 1-го апрѣля. Но потомъ ихъ надо продолжать доучивать, углубляя и развивая ихъ практическія познанія. Послѣднее, въ сущности говоря, въ настоящее время такъ именно и дѣлается; да иначе и не можетъ дѣлаться при нашихъ климатическихъ и иныхъ «національныхъ» условіяхъ.

Для полнаго успѣха дѣла необходимо было бы офиціально «забронировать» молодыхъ солдатъ на весь указанный нами періодъ обученія отъ нарядовъ, командировокъ и вообще отъ всего того, что можетъ мѣшать послѣдовательности и стройности обученія.

Затѣмъ, нужно быть слишкомъ большимъ оптимистомъ и патриотомъ, чтобы считать, что даже при 8-ми-мѣсячномъ срокѣ обученія мы можемъ подготовить всю массу нашихъ людей въ одинаковой мѣрѣ въ смыслѣ тактическаго обученія.

Одна только практика может указать тотъ средній уровень подготовки, до котораго можно рассчитывать довести главную массу обучаемыхъ. Съ одной стороны—будутъ отсталые, а съ другой—не мало и такихъ, съ которыми можно и должно будетъ продолжать занятія для достиженія болѣе серьезныхъ результатовъ. Для отсталыхъ потребуются учителя, время и пособія, а въ особенности патроны. Для болѣе способныхъ достаточный просторъ открываютъ требованія нашего устава отъ «старшихъ въ звеньяхъ».

При современныхъ условіяхъ боя въ разсыпномъ строю, въ которомъ нельзя командовать и очень трудно управлять, этотъ рядъ полевыхъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ имѣетъ для насъ весьма большое значеніе. Если бы онъ дѣйствительно былъ подготовленъ, мы избѣгли бы суеты и шума въ разсыпномъ строю и достигли бы успѣшнаго усвоенія многихъ началъ стрѣлковой тактики. Но для этого нужно, чтобы старшіе въ звеньяхъ назначались не безъ разбора, а изъ нижнихъ чиновъ, дѣйствительно получившихъ должную подготовку.

Если мы не въ состояніи довести подготовку главной массы нашихъ людей въ тактическомъ отношеніи до той же высоты, какъ наши европейскіе и даже нѣкоторые азіатскіе сосѣди, то можемъ достигнуть такихъ же результатовъ и даже превзойти нашихъ вѣроятныхъ противниковъ, сосредоточивъ работу обученія на болѣе способныхъ людяхъ, которыхъ не мало среди многихъ милліоновъ коренного русскаго населенія.

Въ этомъ одно изъ нашихъ національныхъ свойствъ, которымъ необходимо воспользоваться.

Перейдемъ теперь къ тактикѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. къ образу дѣйствій въ бою и передъ боемъ. Какой образъ дѣйствія могли бы мы считать національнымъ, т. е. наиболѣе выгоднымъ для насъ и наиболѣе отвѣчающимъ нашимъ національнымъ особенностямъ?

Нечего и говорить, что для любой арміи на свѣтѣ должны быть выгодны: инициатива дѣйствій, наступательный образъ дѣйствій и примѣненіе огневой (стрѣлковой и артилерійской) тактики. Но инициатива дѣйствій не заключается, конечно, въ наступленіи во чтобы то ни стало, во всѣхъ случаяхъ, не исключая и тѣхъ, когда это выгодно только для противника. При этомъ наступленіе на полѣ сраженія при обыкновенныхъ условіяхъ (днемъ, противъ непріятели, готоваго къ бою и обладающаго современнымъ вооруже-

ніемъ) можетъ быть совершенно безъ напрасныхъ потерь только при умѣломъ примѣненіи огневой тактики.

Къ сожалѣнію, нельзя признать, чтобы послѣдняя стояла у насъ на должной высотѣ. Во-первыхъ, совершенству въ примѣненіи оружія у насъ прежде всего мѣшаютъ нѣкоторые недостатки въ снабженіи оружіемъ и боевыми припасами, о которыхъ мы здѣсь не будемъ распространяться. Во-вторыхъ, совершенству примѣненія артилеріи мѣшаетъ недостатокъ совмѣстныхъ занятій съ пѣхотой, а въ особенности совмѣстныхъ боевыхъ стрѣльбъ. Въ-третьихъ, совершенству примѣненія стрѣлковой тактики препятствуетъ отчасти система обученія (построенная преимущественно на прицѣльномъ огнѣ съ измѣренныхъ разстояній), недостатокъ боевыхъ стрѣльбъ, съ практикой въ управленіи огнемъ, недостатокъ хорошихъ стрѣльбищъ и почти совершенное отсутствіе стрѣльбищныхъ полей. Наконецъ, къ числу условій, затрудняющихъ совершенство стрѣлковой подготовки, надо также отнести и всѣ національныя трудности одиночнаго обученія, а также обученія мелкими частями.

Какъ бы то ни было, но едва ли мы можемъ основывать наши боевые успѣхи на огневой и въ особенности на стрѣлковой тактикѣ, а потому должны искать другихъ областей для достиженія равновѣсія съ нашими противниками. Сюда надо отнести: находчивое пользованіе ошибками противника, цѣлесообразное использованіе мѣстности и подвижности, послѣдней въ особенности для маневрированія передъ боемъ, съ цѣлью созданія для себя наиболее выгодныхъ положеній.

Какъ пользованіе ошибками противника, такъ и пользованіе мѣстностью требуетъ заблаговременной и непрерывной развѣдки, которая у насъ, по правдѣ сказать, также нѣсколько хромаетъ. Но она хромаетъ не по какимъ либо національнымъ недостаткамъ нашей арміи, а по недостатку организаціи. Въ большинствѣ случаевъ она возлагается на кавалерію, которая мало подготовлена для совмѣстныхъ дѣйствій съ другими родами войскъ и недостаточно знакома съ условіями развитія артилерійскаго и пѣхотнаго боя.

Артилерійская развѣдка также зачастую ведется безъ связи съ общей развѣдкой, въ особенности въ періодъ завязки боя, и свѣдѣнія старшаго начальника, въ большинствѣ случаевъ, основываются лишь на донесеніяхъ командъ пѣшихъ развѣдчиковъ (въ которыхъ очень мало офицеровъ, а также средствъ для конной раз-

вѣдки и для быстрой передачи донесеній), да еще на такихъ же донесеніяхъ пѣшихъ дозоровъ изъ полуграмотныхъ нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ, по свойствамъ нашей арміи, намъ необходимо имѣть впереди на 5—7—10 верстъ надежные *офицерскіе дозоры*, снабженные всѣмъ необходимымъ для сбора и передачи свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ. Заставы отъ пѣхоты должны служить для обезпеченія этихъ дозоровъ и для болѣе детальной усиленной развѣдки въ необходимыхъ случаяхъ. Для расширенія самаго района развѣдки, для исполненія частныхъ задачъ, а также для посылки донесеній, въ распоряженіи каждаго изъ этихъ офицерскихъ дозоровъ должно быть достаточное число всадниковъ.

Для изученія мѣстности необходимо самое широкое пользованіе картами. Но для этого, разумѣется, прежде всего необходимы хорошія карты и въ достаточномъ количествѣ²⁾. Наконецъ, что касается до *подвижности* и *маневрированія* передъ боемъ, то, казалось бы, національныя свойства нашей арміи служатъ намъ достаточной гарантіей, чтобы превзойти въ этомъ отношеніи многія другія арміи. За это говорятъ: выносливость нашего солдата, способность проходить большія разстоянія днемъ и ночью и во всякую погоду и, наконецъ, его способность беззавѣтно слѣдовать за вождемъ. Недаромъ же всѣмъ памяты Суворовскіе переходы!

Говорятъ, что современныя массовыя арміи исключаютъ возможность такихъ переходовъ. Но понятіе объ усиленномъ переходѣ есть понятіе весьма относительное. Недостатокъ параллельныхъ путей и другія условія скученнаго движенія разныхъ родовъ войскъ будутъ всегда существовать въ одинаковой степени для всѣхъ армій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія всѣ преимущества будутъ на сторонѣ той, арміи, въ которой люди привыкли ходить по глубокой грязи, по сыпучему песку и по рыхлому снѣгу. Все дѣло будетъ въ достаточномъ развитіи техническихъ средствъ для удобства движенія, поддержки связи и подвоза, начиная отъ такой простой вещи, какъ обувь, и кончая телефонами, полевыми желѣзными дорогами, грузовиками-автомобилями и облегченнаго типа (колеснымъ или вьючнымъ) обозомъ. Нѣтъ причины допускать, чтобы именно эти техническія средства *не могли* получить у насъ такого же развитія, какъ въ иностранныхъ арміяхъ. Но все дѣло въ томъ, что эти средства, въ

²⁾ Наша трехверстка не даетъ многихъ деталей, а на двукверткѣ не обозначено командованіе.

дополненіе къ нашимъ національнымъ особенностямъ, для насъ еще важнѣе, чѣмъ въ прочихъ арміяхъ.

Если такъ трудно или, будемъ говорить прямо, слишкомъ дорого усовершенствовать и облегчить нашъ обозъ, то нельзя, казалось бы, останавливаться хотя бы передъ такими способами, какъ образованіе въ тылу полевой арміи цѣлой вспомогательной арміи носильщиковъ ³⁾, облегчивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый вѣсъ необходимыхъ припасовъ и продуктовъ путемъ широкаго примѣненія разнаго рода консервовъ, облегченной амуниціи, уменьшенія общаго вѣса боевыхъ припасовъ. Вѣсъ снарядовъ для артиллеріи, конечно, трудно облегчить. Но не артилерійскіе парки могутъ ограничить порывъ арміи!

Вмѣстѣ съ тѣмъ легко себѣ представить какихъ огромныхъ преимуществъ можно было бы достигнуть, если бы удалось установить новые рекорды для маршей, пользуясь необычными для западно-европейскихъ армій маршевыми способностями нашего солдата.

Другое общее направленіе для боевой подготовки нашей арміи подсказывается той же выносливостью, въ связи съ близостью къ природѣ, быстрой приспособляемостью и разнаго рода сноровками.

Оно выражается въ *развитіи боевыхъ дѣйствій въ необычное время*: въ сильный дождь, въ морозъ съ вѣтромъ, вообще въ дурную погоду, рано по утрамъ, а также въ туманъ и въ ночное время.

Здѣсь опять понадобится своего рода техника: зимой—теплое платье, въ дождь—сколько нибудь предохраняющія накидки, ночью—прожекторы и средства связи.

Но опять нельзя не замѣтить, что для нашей арміи примѣненіе всей этой техники могло бы имѣть еще большее значеніе, нежели для западно-европейскихъ армій, не столько, конечно, для защиты русскаго солдата отъ непогоды или облегченія ночныхъ дѣйствій, сколько для болѣе продуктивнаго использованія такихъ его свойствъ, какія не такъ-то легко отыскать въ другихъ арміяхъ.

Слѣдуетъ, однако, оговорить, что, если мы рѣшаемся предложить суворовскіе переходы и дѣйствія въ необычное время для уравниванія недостатковъ тактической и стрѣлковой подготовки, то отсюда еще нельзя дѣлать вывода, что можно вообще «отложить» эту подготовку на неопредѣленное время или примириться съ нашимъ несовершенствомъ во всѣхъ областяхъ огневой тактики.

³⁾ Можно было бы выработать организацію арміи носильщиковъ въ періоды призыва запасныхъ.

Дѣло обстоить совсѣмъ не такъ плохо; надо продолжать работу надъ одиночнымъ развитіемъ и стрѣлковой подготовкой нашего солдата съ той же энергіей и съ тѣмъ же подъемомъ частной инициативы, какъ это дѣлается въ настоящее время. Для успѣха въ этомъ именно дѣлѣ мы и настаиваемъ на необходимости увеличить срокъ обученія молодыхъ солдатъ, создать стрѣльбищныя поля и пр.

Но враги Россіи не ждутъ. Никто не знаетъ, когда ударить грозный часъ войны и потребуетъ насъ къ отвѣту. Вотъ почему намъ приходится идти не только вѣрнѣйшими, но и кратчайшими путями для усиленія нашей арміи, стараясь, какъ можно скорѣе, развить наши сильныя стороны и устранить болѣе слабыя...

Съ этой точки зрѣнія въ области огневой тактики также есть пути болѣе короткіе, нежели подъемъ боевой стрѣлковой подготовки во всей арміи. Эти пути—усиленіе артилеріи и пулеметовъ.

Если трудно въ короткій срокъ поднять уровень стрѣлковой подготовки цѣлой арміи, то можно сосредоточить усилія на подготовкѣ специальныхъ огневыхъ средствъ, т. е. артилеріи и пулеметовъ, для обслуживанія которыхъ уже вполне возможно выбрать и подготовить соотвѣтствующія укомплектованія.

Были времена, когда успѣхъ подготовляли и почти рѣшали тяжелые латники, закованные въ броню и прикрытые щитами, а затѣмъ уже полчища легко-вооруженныхъ бойцовъ довершали поразеніе противника.

Нѣчто подобное могла бы развить и наша армія, подготовляя рѣшительный боевой успѣхъ артилеріей и пулеметами и довершая его русскимъ штыковымъ ударомъ.

Ф. Богородниковъ.

